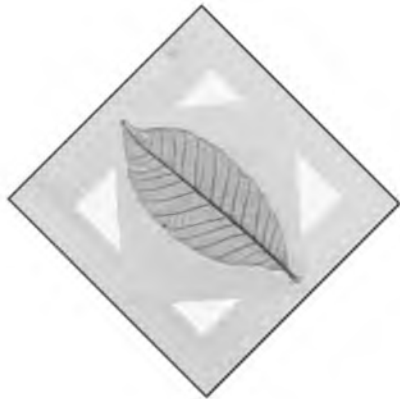

БИБЛИОТЕКА

Александр ДОБРОВОЛЬСКИЙ

БИБЛИОТЕКА

Смоленск
2016

За окном играли дети и медлительно падал ярко-желтый лист. Дети в своих цветных курточках вертелись по двору, как вращаемые ветром фантики от конфет. Когда они сталкивались – сыпались искры: то мир расцветал. Они играли.

Их радуга кружилась по двору – их безотчетная радость кувыркалась.

А лист все падал...

То кувыркался его Бог.

Спустя минуту он отложил книгу, которую пытался читать между строк – глядя в окно. Как ни странно, все было по-прежнему, но он отложил книгу. Только-то.

Но рисунок уже другой. Всего мгновение прошло. А спросить – не с кого. Дети – это возмездие: если отстал, – думал он. Молния била в детей. И сыпались искры, сыпались.

И Слава Богу.

Дети уже запечатлели Гимн. Вместе с ним, да.

Тогда никто не расшифрует.

Сверчка звали – Конфуций.

Печка, за которою он жил-пел, походила одновременно и на белый паровоз, и на топку в паровозе: когда в ней пылали дрова, черная печная заслонка дребезжала, кочерга в углу – стучала, и рдяные отсветы изнутри окаймляли тогда заслонку. Словно раскальвалась хрустальная глыба – трещали иногда торжественно дрова.

Будь крыша стеклянной, было бы видно, как густой клуб дыма поднимается из трубы, покачивая боками словно серый аэроплан, – да и сама труба была бы тогда видна.

Сверчок любил возвысить голос в момент, когда глыба трескалась – получалось созвучие, схожее с кругом и звуком, какой описывает циркуль по чертежной бумаге. Оно как-то особенно сливалось с волнистым сугробом, что застенчиво горбился в окно – сверчок выгибал шею, даже и весь выгибался, покачиваясь на старой щетке.

Скрипка стояла в углу, и, конечно же, в наглухо застегнутом футляре, – так и рождалась эта ворсистая зимняя тишина.

Сиянье звезд... Звезды ведь – огромные живые тела, в которых бьется такое же огромное сердце... Наделяющее жизнью всех обитателей их звездных, полных разума сфер. Одевающее души – звездные зерна, плоть от плоти их лучеперых родителей – в кровь и листья избранных ими во сне планет: покуда они – души – не проснутся и не признают по биению серебряного сердца звездных своих родителей.

Покуда не признают в зеленых листьях серебряной огненной плоти. Покуда не признают в этой плоти единый бьющийся разум: каркас Мироздания. Покуда не поймут свою мощь светозарную – плоть от плоти, разум от разума, сердце от сердца. А ведь именно так все и происходит в каждом мире – огонь созидает огонь. И ветви каждого дерева подобны луку, стрелу в Небеса пускающему.

А стоит осознать – и вращается все, и разум белеет, пронизывая пространство. И звезды шумят над ним.

Но осыпано сердце снегами. Но подснежники тихо поют. И звезды в них встают во весь свой рост – пока крестообразно. Тоже звездочки – так Земля повторяет призыв. Земля-то понимает. Природа внимает звездному.

А когда люди поймут – внемлют зову – звезды дверьми соделаются...

Возликует проснувшийся и здесь разум. А над ним – сердце. Сияние.

Всякий человек сейчас – лишь черточка. Но и черточка – тот же самый лук, что стрелу к Небесам мечет.

Каждый человек – звездный меч. Так разум вмещается.

Старое солнце осыпалось срезанными на бегу золотистыми колосьями, а новое, свежее и румяное, уже торопливо выглядывало сквозь их обрушившийся ворох, – это бурлила, шелестела, клокотала – клеткотом схватившего добычу ястреба – забраживала и пела в ясно-желтых кленах осень.

Клены, с этой не от мира сего восковой, схожей с мощами святых силою в полупрозрачных листьях, – трудно было называть деревьями: это были горы, тонны парящих в невесомости золотых слитков, коконы бронзовой чешуи, вынашивающие... Нечто?! Ангелов-гигантов? Волнистую паутинку?

По-нетопырьи пятилапые (пятипалые) листья цепляются за душу как за воздух: пойми эту нашу иную жизнь!

Все так из-за света фонарей. Ведь и великий Леонардо пририсовывал своим ангелам хищные крылья. И уходит в горечь и радость заката – его нимбы и кудри – леопардовый луч, рассветный сон.

Мечта должна быть хищной.

О, как клены горят под дождем!

Блистали звезды алым пурпуром, отливая перламутром. И распирающая щедрость билась в сердце.

Стоило лишь кинуть взгляд – он возвращался обогащенным. Он любил землю. Земля расцветала перламутровой гранью на грани капли – от касания взгляда: возвращенного отблеска величия. Земля была белым инеем травянистым выпукла: приглашала понять эту свою выпуклость как свою вогнутость, как свою готовность отзываться на звездные – и человечьи – песни. Отзывчивость Земли была вверх рубиновым лучом. Звездное накапливалось в этой Ее изумрудной полости. И земля – расстилалась, расстилалась: позвякивая и принимая, лучась черепом изумрудного ума.

Так принимала Ты червей и скорпионов норы. Так жалилась кора планетная, иссеченная.

И вот я стою. –

Как дерево, растущее из неба.

Девочка нашла в опавших листьях того самого плюшевого мишку. Именно, хрестоматийного, плюшевого, бархатного, ласкового, – и с надорванной лапой. И брюшком.

Она протянула его маме:

– Мам-ма, я хочу взять его домой! – но Мам-ма ответила:

– Нет! У тебя и так полно чужих игрушек!

И вот Мишка снова брошен. Протягивала его к Мам-ме – с чувством, отбросила его – без чувства – в листья – верила безоговорочно – Мам-ме.

Знала ли Мам-ма?!

Да, у нее и так полным-полно игрушек. Ими задаривали ее те мамы, которые считали себя более счастливыми: при мужьях. И один ненужный знакомый мамин самолеты дарил, – зачем ее дочурке – самолеты?! Но они обставляли ее детское нежное крохотное пространство. Создавали объем некоего присутствия, стояли на верхних полках.

А Мишку она подняла безотчетно, по нарождающейся теплоте и доброте душевной.

Книжные феи существуют – я знаю. И преданно кланяюсь им.

Может быть, вам сейчас представляются белоснежно-крылатые сияющие милые сущности, стирающие своими – яркими – нимбами дряблую пыль веков и часов забвения с гениальных творений, вздохов великих?!

Вовсе нет. Совсем нет. Книжные феи – это обыкновенные, земные женщины. Только, думается мне, среди них пожившему, – немного лучше.

Они привыкли ухаживать. За плотью мысли – за книгой, брэнной, как и мужчины, кстати. Они привыкли холить и лелеять – Ее – Книгу. Книга – смысл их работы, плод их сердечной кухни, но, они их нешают, лишь сохраняют, – в сохраняемом, в том, во что не можешь вмешаться – больше трепета, не так ли?!

Итак, это – Книжные феи. Работники, которые дышат пылью: буквально. И буквами – вполне физически. Они своим обликом скажут, что среди книг прошли их лучшие годы. И они действительно так прошли. Но они не признаются в этом. Ибо – феи. А феи – не признаются в волшебном. Оно для них – естество.

Это книги всегда веселые. Они – стараются быть веселыми. Им подстать. И что-то из этой их веселости отпечатывается в них. – Навсегда. Поэтому они так молоды, поэтому они – феи, Книжные. Ухаживающие, окучивающие. Цветами мысли.

Что нам до их проблем?

Что им – до их проблем?

Они – Феи. Книжные феи. Они существуют.

На самом деле. Спросите взятую в библиотеке книгу, если хватит мужества. На ней отпечатки их нимбов – спросите книгу.

То, что держите вы в руках, – их мысль, забота их, кто б ни значился на корешке...

Они нашли. Слава им.

Книга оживает.

Они – Книжные феи – в одежде, которая не тронет вас – из старых журналов и пакетов мусорных – встречают вас на лестнице...

Нимбами бы встретиться, чтобы они соприкоснулись, мягко стучась, как прозрачные шлемы братающихся в открытом космосе космонавтов (читай – Книгонавтов): мечта каждой уважающей себя Книжной феи.

Раскинулось небо снежинками, пораскинулось небо сугробами белыми – куполами храмов зимней, с похрустыванием, – тишины. Крестиками легкими и запятыми голубеют в снегах сада следы лапок птичьих.

И густой синий вечер крадется далекою стороной, где пушистые дымки выпрямяются.

...А снегири подобны алым веселым яблокам! Не к ним ли пробирается – подбирается вечер?! Вероятнее, что к окошкам далеким желтым.

Где-то на зимних, отороченных застенчивою бледною зарею облаках расцветают под вечер перламутровые волшебники-кузнецы. Развеваясь от жара работы как белокурые пряди, они чеканят – их сердца как горны, да и заря пылает в них – чеканят своими твердо-синими молоточками радостно-искристые: снежинки.

Потом те снежинки выпархивают из поскучневших облаков на веселье людям, спешат озолотиться щедрою радостью детей, что так любят их ловить – словно они, снежинки, прицельно спрыгивают – на носы, специально высунутый – подставленный – язык, или на смеющиеся вместе с ними ладошки их. Те добрые волшебники кормятся сахарком с детских рук, выдувая новые снежинки. А снежинки не боятся растаять: уже золотые, ограненные, они знают, что воспарят к своей родине. И снегопад продолжается, как светлый сон.

А ведь стук волшебников – по навальне нашего теплого сердца: ткется полотно поющей сказки, несмотря ни на что... Ткется и поет в спиральной метели жаром сердец полотно наших душ – даст Бог, и накормит кого-нибудь, белый хлеб алых пор

сердечных, хлебная метель России снежной.

И снежинки, наверно, летят на этот – зачарованные, как мотыльки – бьющий из самой земли, такой хрупкой, – алмазный свет. И сугробы распахиваются перед взором, и присутствие волшебников ясно во вспыхивающих золотых, катящихся шорохах: коронах взаимности.

Вот музыка русской зимы – кутающей и вселенской, воистину. – Розовое, подспудное сердце.

Он думал о ней и проникал тот момент, как слагаются миры и души, и даже более того. Отчего так? Сердце дышит красотой. А ведь нет ничего. Но смеются радостно все миры и души. Так разворачивается весь спектр. Мысль лучилась. Мысль вбирала сердце. И сердце думало о двух сердцах.

Отчего же так лучилась мысль?! – От ее красоты, хоть он и утратил вечность назад представление о ней, вместе с оком, – но то око расцвело. А красота происходящего отдавалась крыльями в ее красоту, солнечно.

В конечном счете, ее красота была невидима. Возможно. Само пространство благоухает от возможного. Но ее красота звучала в его мысли о ней – звучала пространством. Будучи никем не видимой, поэтому наверное так и звучала – оставив в стороне свои черты, певучие черты...

Мужчина – воссоздание. Черты пылают в нем, и будут пылать в нем – а она подберет ли розу?!

Вот оно. За пределом облика – ее красота пылает, расцветает.

Быть может, она – преодоление облика, преодоление так ей свойственно... И мгновение подобно звезде, и она обнимает звезду. И пространство сердечное внемлет.

Алая птица зовет пурпурного ангела.
Белые женские птицы встречают вестника –
а она благоухает – розой пространства –
ибо встречает лучи, ибо волна. И так ясно
видна.

Вот – тебе когти, вот два оба крыла.
Когти ликования и крылья утренней за-
ри.

Зима наступила давно, но розовый снег выпал только сегодня. И вот дети за оградой детского сада кричали сегодня точь-в-точь как дельфины: тиу! тиу! туи! тиуи!

Так под снегопадом пылают мраморные статуи, на которых – как ни ищи – таинственным образом не сыщешь снежинки: само время их обтекает, а метель только делает зримым то.

Таким же образом и эти детские: восклицания! упоения!! провозглашения!!! – вставали передо мной – обнажая до дна наш знакомый мир, они вскрывали радость без границ, радость ничего не требующую, ибо она все уже имеет – получила – в себе... Тревожная лампада.

Счастье молитвы, которая уже исполнилась, ибо произошла, взошла...

– И над каждым ребенком всплывает его прозрачный сияющий возглас, как воздушный шарик. Маячит мне этой тонкою простотой.

Вот и все – дети пульсируют в том, и их радость – первична, взрослые лишь окно. Вот и все.

Ведь дети никогда не ранят поющую (словно плывущую) статую. А наши чувства – кора: мы любимся в землю, хорошо хоть –

любujemyся детьми. Но вот дети – дельфины: синие и фиолетовые, ныряющие и порхающие.

...И вдруг, совсем внезапно среди веселой своей беспорядочной беготни, эти дети – не сговариваясь, но хором – прокричали: «Ветер, ветер, ты могуч, ты гоняешь стаи туч!»

Что-то посыпалось мне на голову. Белая крупа на асфальте напоминала снег. Однако приглядевшись становилось ясно, что это все-таки не снег, а именно крупа.

Я поднял голову: в первом ряду окон справа от подъезда, на карнизе седьмого (считая снизу) окна толпились голуби. Привычно толпились, светились серым.

Еще не раз и не два продолговатотвердая крупка осыпалась от их горней суеты мне на волосы, скатывалась на ботинки. Медлил уходить.

Припомнилось из смс подруги: «В соседнем купе две непосредственные глухонемые девушки весело болтают, шелестя куртками...»

Так хотелось спросить – неведомо кого – вы по ту сторону или по эту? – Но понял: я с ними.

Она сжимает в кулачках каштаны. Они светятся в темноте непонимания. Она сжимает в кулачках каштаны.

Эти каштаны... Она чувствует в них зародыши жизни, а в мире так недостает жизни – хотя все живут. Живут, но как-то... так.

А в каштанах бьется пульс – мерно и настойчиво бьется, свернутый солнечной лентой. Эти твердые коричневые комочки в ее руках – пластилин. Лучистый пластилин! Тонкая покатаемая скорлупа, под которой как будто проклеваются птенцы. Кутающие, как зимой – свитер, каштановые гнезда – наружу, как она – вся наружу. Первый зеленющий протяжно листочек. Будьте счастливы!

Эта девочка, которая так понимает хрупкость жизни, и оттого так горячо несет каштаны как приют сердца, как свою мечту о людях – она надеется.

Надеется, что кто-нибудь поймет ее надежду. Она мечтает о Доме, таком – с большой буквы.

И оттого каштаны светятся. Сияют.

В жарком июльском воздухе клоунски кувыркаются, швыряясь радугой, огромные мыльные пузыри.

– Эй, смотри, да они же дразнятся к тебе! – ярко-весело почти кричит мать сынишке, порываясь обнять того за плечи в подтверждение – но выдутые и только что выдутый им пузыри не удаляются, а хрупко волнуются перед его лицом – и ее порыв замирает. Малыш смеется и улыбается тому, что мыльные пузыри – живые. Он и сам сейчас невесом светло.

А его маму удерживает на асфальте лишь ее повисшее в тишине объятие.

Книги... корешки скрывают
страницы сухо-ломкие
как гербарии цветов полевых...
но ближе подойдишь –
и гении шелестят
зелеными листьями
в питательном свете
мерцающих ламп.
Раскрывая книгу
под настольной лампой,
ты венчаешь поэта
со светом:
если абажур зеленый,
то лавровым венком,
если желтый –
то нимбом святого.
И буквы подобны человеку,
разминающему затекшие ноги.
Книги – реинкарнации гениев,
подумай! Им тоже, знаешь,
стоило трудов
идти навстречу – оттого
под лампами и между стеллажей
клубится воздух
полнотой дыханья.

Лист 5	
Назови сверчка по имени	6
В ореоле разума	7
Шипы	9
Мой светлый груз	10
Мам-ма!	11
Книжные феи	12
Три звездочки	14
Россыпи	15
Восхищение	17
Праздник моря	19
Две истории	21
Судьбы	22
Мыльные пузыри	23
Post scriptum	24

